

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

**ЦВЕТ
ТВОЕЙ КРОВИ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Б94

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Цвет твоей крови / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-177345-8

Жаркий июнь 1941 года. Почти не встречая сопротивления, фашистская военная армада стремительно продвигается на восток, в глубь нашей страны. Старшего лейтенанта погранвойск Костю Багрякова война застала в отпуске, и он вынужден в одиночку пробираться вслед за отступающими частями Красной армии и догонять своих.

В неприметной белорусской деревеньке, еще не занятой гитлеровцами, его приютила на ночлег молодая училка Оксана. Уже с первой минуты, находясь в ее хате, Костя почувствовал: что-то здесь не так. И баньку она растопила без дров и печи. И обед сварила не поймешь на каком огне. И конфеты у нее странные, похожие на шоколадную шрапнель...

Но то, что произошло потом, по-настоящему шокировало молодого офицера. Может быть, Оксана — ведьма? Тогда почему по мановению ее руки в стене обычной сельской хаты открылся длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами. И там стоял человек в какой-то странной одежде...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177345-8

© Бушков А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

— Как ты думаешь, чем эта война кончится?

— Кончиться она должна хорошо. Она слишком уж плохо началась. Когда вначале все идет плохо, то потом всегда получается хорошо.

В. Шефнер Сестра печали.

Ох, и хлебнул я горького летом сорок первого! Больше сорока лет прошло, а порой, редко, слава богу, в ночном кошмаре привидится — в холодном поту просыпаешься...

Нет, так уж получилось, что дело не в особенно жутких боях с немцами. Не было никаких таких особенно жутких боев, а тот, что однажды случился за время до события, никак к жутким не отнесешь, бой как бой, не особенно и долгий, не особенно и крупнее тех трех, которые мне пришлось пережить до войны, — дважды с бандитами и один раз с группой немецких диверсантов (они в сорок первом уже всю лазили через границу).

Тут другое... То ли невезение у меня вдруг открылось такое, то ли просто карта так легла. Судите сами. Поезд, на котором я возвращался из увольнения, немецкие самолеты разбомбили часов в десять утра километрах в восьмидесяти восточнее Минска. Причем в чистом поле, вдали от населенных пунк-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

тов. Ну, я включил пограничную смекалку, установил, что поблизости есть центр цивилизации в виде райцентра, часов через несколько туда и добрался. Городок этот немцы бомбили уже вовсю, неразбериха там царила жуткая, и всем было не до меня. Хорошо хоть, военный комендант обнаружился. Документы у меня были в порядке, в том числе, понятно, и предписание, где четко значилось, что я следую из отпуска к месту службы, опять-таки четко указанному. С одной стороны, это мне помогло, а с другой — чуточку и повредило. Замотанный и задерганный капитан так прямо и сказал в лицо:

— Во-от! Пока вы, погранцы brave, по отпускам разъезжали, граница и оказалась вовсе не на замке. А шуму-то было, в кино снимали, как вы там с вашими Джульбарсами героически рубежи Родины бережете!

Я на него толком не обиделся: с рассвета человек крутится, как белка в колесе, лишь тремя подчиненными военнотружущими располагая, света белого не видел, и в кабинет к нему за время нашего разговора валом пер самый разный народ, большей частью с такими делами, которые вообще лежат вне полномочий военного коменданта. А он ничего, добросовестно пытался справиться... Потом отошел немного, выдалась минутка передышки, он малость охолонул и помог. Добрался я с военной попуткой до большой дороги, а там она уходила в другую сторону, противоположную той, куда я рвался. Пришлось ловить другие попутки. Они были главным образом военными — в первый день войны войска двигались исключительно на запад, в сторону гра-

ницы, и техника туда же шла, и самолеты порой пролетали — в гораздо меньших количествах, чем следовало ожидать, порой и вовсе поодиночке.

Оказался в колонне грузовиков — а ближе к темноте на нее налетели «мессеры», сбросили изрядно мелких бомб, из пулеметов и пушек на бредущем полете проутюжили. Не стало колонны. Двинулся я пешедралом на запад. Потом были и еще разные попутки (в том числе даже бронеавтомобиль БА-20), и бомбежки. Долго рассказывать, да и ни к чему. Главное, уже ходили всякие дурацкие слухи: что немцы давно обошли Минск и прут к Москве, что у них есть танки, способные прицеплять крылья и по воздуху летать, что немецкие диверсанты уже подорвали Кремль, а вместе с ним и Самого...

В общем, в Минск я попал через сутки, вечером двадцать третьего. Не без труда отыскал начальство пограничного округа — вчера переехали на новое место, штатских расспрашивать бесполезно, а военные мало того что не знают — всерьез во мне диверсанта или шпиона подозревают. Двое совсем зеленых, явно только что из училища, лейтенантов даже затащили в подворотню и устроили «проверку», стали задавать коварные, по их мнению, вопросы: мол, знаю ли я, как зовут по имени-отчеству Ворошилова и кем он до революции работал. Соплячье зеленое, кино посмотрелись и книжек дурацких начитались... Вот я за год службы в пограничной комендатуре, в разведке погранвойск четырежды видел настоящих немецких шпионов, и это сплошь был такой народ, на которого и не подумаешь. И подготовлены были отлично: не только сказали бы с маху, что товарищ

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

Ворошилов до войны был слесарем в Луганске, но, очень может быть, добавили бы еще, какими он напильниками работал и по какому металлу...

(К слову, в соседней комендатуре агента изобличили по-другому, не примитивными вопросами. Выложили перед ним дюжину картофелин и спросили: «Где командир должен быть?» Он замялся, и все с ним стало ясно — чтобы советский парняга двадцати пяти лет, отнюдь не из глухой деревни, «Чапаева» не видел?! Правда, там был не нацеленный на долгое оседание персонаж, а разовый порученец, польский белорус — во многом его немцы поднастаскали, а насчет советского кино не додумались...)

Отбился я от лейтенантиков, ответил на все их вопросы, вот и отпустили с сожалением душу на покаяние. А потом встретил на улице капитана с зелеными петлицами, показал документы, он и отправил куда следует.

Вот там со мной поговорили обстоятельно люди из нашей системы, не простые зеленые фуражки. И то, что я от них услышал, лишь прибавило тягостных раздумий: ясно уже, что немцы заняли пограничные районы и продвинулись вперед, ни с одной заставой связи нет с утра двадцать второго, с большинством комендатур тоже, лишь одна успела передать по телефону, что атакована большим количеством пехоты при поддержке артиллерии и танков, а через пару минут замолчала, как оказалось, навсегда...

(Лишь после войны выяснилось, что зеленые фуражки товарища Берии немцев встретили качественно, дрались как черти и не отступали. Однако о судьбе многих погранзастав и нескольких комен-

датур так ничего и не известно. Никого из тех, с кем я служил до войны, за сорок лет так и не встретил и ничего о них не знаю...)

Оставили меня при управлении — а уже двадцать шестого немцы вышли к Минску. Я попал в группу, вывозившую бумаги, из Минска мы худо-бедно выскочили, но вскоре напоролись на немецкие танки. Танки у них были не особенно могучие, иные даже без пушек, только с пулеметами, но мы-то, на трех грузовиках и одной легковушке, не имели ничего, кроме пистолетов и карабинов, гранаты ни одной не было... Хорошо, лес оказался близенько. И когда я опомнился, то оказалось, что остался один. Сориентировался по солнцу и пошел на восток — а что еще оставалось?

Всякое бывало. На проселке наткнулся на пехотинцев, человек восемь. Только они меня форменным образом прогнали, даже вскидывали винтовки и щелкали затворами, сказали: немцы пограничников расстреливают на месте, вот и их могут положить за компанию, заподозрив в них переодетых пограничников. Судя по выговору, экземпляры были с Западной Украины, а по виду — свежемобилизованные.

(Тогда я им не поверил касаясь пограничников — сидела в нас иллюзия: немцы — культурная нация, да и германский пролетариат, воспитанный Тельманом, вот-вот свое слово скажет и повернет штыки против Гитлера. Быстро эти иллюзии развеялись...)

Потом меня чуть не расстреляли свои же. Вышел на большую дорогу, там на обочине стояла полутор-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

ка, а поперек дороги — десяток солдат с примкнутыми штыками под командой какого-то дерганого старшего лейтенанта. У меня были при себе все бумаги, но дерганый все равно с ходу произвел в немецкие шпионы. Железных доводов у него было два. Во-первых, что пограничнику делать так далеко от границы? Во-вторых, «почему я такой нарядный»? Ну тютя! А каким еще быть бравому лейтенанту-погранцу, в самое что ни на есть мирное время поехавшему в отпуск к родителям и девушке? Обмундирование, само собой, гимнастерка коверкотовая, синие галифе диагоналевые, петлицы и околыш фуражки не полевые, а сияют зеленым, что твой светофор, значки зубным порошком начищены. Пока странствовал, все изрядно помялось и запылилось, но все равно видно, что обмундировка не повседневная, а сапоги хромовые...

Сейчас, конечно, смешно, а тогда было не до смеха: дерганый, не слушая моих объяснений, приказал «расстрелять на месте немецкого шпиона», и двое его орлов уже приготовились. Спасли меня, вы не поверите, немцы: показалась их немаленькая колонна, с мотоциклистами впереди — они и дали издали пару очередей. Дерганый со своими попрыгали в полуторку и драпанули, а я, пока не заметили немцы, припустил в лес. Что хуже всего, у дерганого остались все до единой мои бумаги: не только документы, но и фотокарточка Наташки, и пара писем...

И снова я шагал в одиночестве, как тот Робинзон Крузо, и даже без Пятницы — где перелесками, где пустыми дорогами. Часов через несколько наткнулся на воинское подразделение, числом до ро-

ты, без строя и не в ногу идущее на восток. За старшего у них был майор, имелось аж три капитана, два «максима» катили...

Я по всей форме доложил майору, и он решил присоединиться. Насчет обстановки он меня не обрадовал: выходило, что немцы уже со всех сторон, и неизвестно, насколько обогнали, так что мы в полном окружении. И спросил с подначкой: «Ты что, от самой границы драпаешь?» Неприятная была рожа. Не стал я ему рассказывать подробности, сказал просто: «Из Минска». Хватит, думаю, с него...

Прошел я с ними немного — и быстро определил, что за публика. Сбродные из разных частей, а никакое не воинское подразделение: тут и пехота, и несколько кавалеристов, и артиллеристы, и саперы. Майор и один капитан были пехотными, а остальные двое — сапер и военюрист.

Я пошел с офицерами, пытался их порасспросить, но получалось плохо, злые они были, угрюмые, отвечали сквозь зубы, а один и вовсе отмалчивался. Выходило, что везде одно и то же: повсюду немцы, серьезных боев не видно, немецкие самолеты ходят по головам при полном отсутствии в небе сталинских соколов, мотоциклисты и танки выскакивают, как чертики из коробочки, в самых неожиданных местах, и совершенно непонятно, где наши главные силы, которым давно пора малой кровью, могучим ударом обрушиться на врага...

Мы, командиры, шли впереди, метрах в пятнадцати от солдат, и, чтобы они не услышали лишнего, чуть ли не шепотом обсуждали животрепещущую тему: почему так вышло, почему немец прет,

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

а мы в первую же неделю войны оставили Минск? И почему германский пролетариат себя ведет совсем не так, как мы ждали?

Пехотный капитан был самый оптимистичный. Говорил: по его глубокому убеждению, немцев попросту заманивают поглубже, как это сделал Кутузов с французами в тысяча восемьсот двенадцатом году. Пусть они растянутся, распылят силы, и тогда все случится, как в знаменитом кинофильме «Если завтра война...»: все небо будет в наших самолетах, все поля — в наших танках, а там пойдет и матушка-пехота с развернутыми знаменами и военными оркестрами. Вот только мне показалось, что убедить он хотел не нас, а в первую очередь себя...

Майор был настроен гораздо более уныло. Говорил, что проходил уже это в двадцатом году: тогда они браво двинулись на Варшаву, рассчитывая еще и на то, что польский пролетариат повернет штыки против пилсудчиков. А там, как объяснил в приказе Тухачевский, через труп белой Польши пойдем к мировому пожару. Вот только ничего из этого не вышло, у польского пролетариата национальное взяло верх над классовым. Тухачевский все это время сидел в Минске, войсками управлял исключительно по телеграфу, и когда поляки повалили столбы с проводами, произошло известно что... Так что майор на германский пролетариат не особенно и надеется.

Саперный капитан отмалчивался. Военюрист, в общем, тоже, только время от времени угрюмо бурчал одно и то же:

— Измена, к бабке не ходи... Не всю сволочь в тридцать седьмом году повывели...

Что до меня, я твердил одно: не по моим кубарям рассуждать о высокой стратегии, вот я и не берусь. Это была правда, но не вся — в глубине души я был склонен прислушаться скорее к угрюмому военюристу, чем к пехотному капитану. Не верилось мне во внезапное нападение. Уж я-то знал, сколько информации о накопивших немаленькие силы у границы немцах добыла пограничная разведка, — у нас на той стороне хватало надежных людей. Всю эту информацию пограничники не в погребе солили, как капусту, а передавали в Москву — а там сидели не сопливые лейтенанты.

(Уже после события, выбравшись к своим, я узнал кое-что, в первую очередь на версию об измене и работавшее. Оказалось, еще восемнадцатого июня из Москвы в приграничные военные округа пришел приказ: вывести войска из лагерей и привести в боевую готовность, военные самолеты на аэродромах рассредоточить. А за несколько часов до нападения немцев товарищ Берия отдал приказ пограничным войскам: занять окопы и боевые позиции, быть готовыми ко всему. Так вот, приказ выполнили все военные округа — кроме Западного особого, которым командовал генерал Павлов. Войска не тронулись с места, самолеты не то что не рассредоточились — с них сняли пушки и пулеметы, а во многих местах оружейные замки увезли в Минск якобы на какую-то проверку. Что вышло в итоге? На севере и на юге Ворошилов и Буденный отступали, что правда, то правда, но в строгом порядке, даже с контратаками, немцам, как ни старались, так и не удалось

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

оторвать от них и окружить более-менее крупные части. А вот через Белоруссию, то есть генерала Павлова, немцы прошли как нож сквозь масло, все окружения, разгром и нескончаемые колонны наших пленных — это Белоруссия. Прикажете поверить, что Павлова расстреляли зря? Мы тогда уже думали, что это — недострелянные остатки заговора Тухачевского...)

Мы шагали, пыля сапогами, унимая ворчавшие кишки, — все равно ни еды, ни воды. Что хуже всего, дорога не шла строго по компасу с запада на восток — порой петляла, отклонялась к другим сторонам света. Тогда шли напрямик (у майора был компас), то голыми равнинами, то, гораздо чаще, лесом — лесистые были места. По дороге попало две немаленьких деревни, издали удалось рассмотреть, что и там немецкие машины и танки, пришлось давать крюк. Казалось, немцы были везде. Понемногу создалось устойчивое впечатление, что они не просто обошли эти места справа или слева, а заняли весь немаленький район и впереди, на востоке — тоже уже немцы, рано или поздно мы в них упруемся, и обойти ни за что не удастся...

Майор не говорил вслух, но, оказалось, именно так и думал. Когда перевалило за полдень, он выстроил солдат на большой поляне и толкнул форменную речь. Сказал, что уверен: мы в полном окружении, и нас, если будем двигаться в прежнем порядке, скоро обнаружат и задавят числом, а то и гусеницами. А потому он как старший по званию приказывает: закопать пулеметы (замки отдельно), разбиться малыми группами и выходить к своим са-

мостоятельно. Сам он пойдет с командирами, и чтобы никто к ним не набивался.

Руки чесались достать пистолет (мне выдали в Минске ТТ) и загнать ему пулю в лобешник. С точки зрения устава он был никакой не командир части, но как кадровый военный должен был понимать: подразделение, пусть с бору по сосенке сколоченное, после такого приказа боеспособным подразделением быть перестанет, рассыплется черт знает во что...

Но я сдержался. Не стоило переть против доброй сотни вооруженных людей. Видел, что солдаты приказ приняли большей частью с облегчением, иные даже с одобрительными возгласами — мол, такую толпу и с самолетов в два счета перещелкают, а танки... Ну что мы можем танкам сделать без единой гранаты? А так — ловчее будет к своим пробираться, а там, смотришь, и наши главные силы подойдут. В таком вот духе. Военюрист, по лицу видно, думал то же, что и я, — явно пришел к тем же выводам, что и я, вот и получилось, что плетью обуха не перешибешь...

Пулеметы и замки закопали, наскоро разбились по трое-четверо и стали расходиться, будто — тьфу! — публика после спектакля. Мне майор предложил идти с ними, но я отказался, особенно не раздумывая, — не мог видеть эту рожу. Какое-то время по-дурацки торчал на поляне, где людей становилось все меньше и меньше, совершенно не представляя, что же теперь делать. Тут ко мне и подошли двое, судя по ухваткам, кадровые, с пехотными эмблемами в петлицах — один моих лет, с винтовкой и противогазной сумкой через плечо, а второй

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

лет на пять постарше, с кавалерийским карабином и двумя треугольниками в петлицах: командир отделения, по тогдашней терминологии, комотд (или, как солдаты по-свойски говаривали в отсутствие командиров, попросту «комод»), оба без головных уборов. Молодой сказал:

— Давайте вместе, товарищ старший лейтенант? Коли уж пограничник, места эти знаете...

И мы пошли втроем. Молодого звали Тарас, а комотда — Василий. Особенно мы не разговаривали — так, поначалу. Оба не без осторожности интересовались, что я, как командир Красной армии да вдобавок пограничник, человек, информированный побольше простой пехоты, обо всем происходящем думаю и как, по-моему, события будут развиваться дальше (оба были белорусы, хотя и не из этих мест). Я отвечал тоже с некоторой осторожностью: по-моему, все немецкие успехи объясняются коварной внезапностью удара, и, вне всяких сомнений, вскоре развернутся наши главные силы и выметут врага с нашей земли поганой метлой. При моих последних словах они переглянулись, как мне показалось, иронически, и комотд проворчал:

— Вторую неделю разворачиваются, знать бы только — где...

Слова его и тон мне не понравились. В другое время я бы его как следует распек за такие настроения, но время и место были неподходящие. Да и сам я не мог избавиться от тягостного недоумения: где же наши?

Шли долго, лесом. Через пару часов наткнулись на небольшую деревушку и быстро определили, что

немцев там нет, — а потому рискнули и пошли туда в полный рост, они с оружием на изготовку, а я с рукой на расстегнутой кобуре. Но немцев там, как и представлялось, не оказалось. А там и местные вышли во дворы. Смотрели на нас без тревоги и любопытства — но и, сразу видно, без дружелюбия. На наши вопросы отвечали неохотно: немцев пока что не видели, а вот наши солдаты (или, как они выражались, «радянские») пару раз через деревню проходили, и оба раза «на восход» (то есть на восток), просили поесть и напиться, а на вопросы, что творится, не отвечали, только один проворчал: «Нам бы кто обсказал, что творится...» И уже было известно, что «немчуки повсюду прут на железных самоходах» и носятся по небу как хотят, вообще говорят, что они уже всю Беларусь заняли и в Россию пошли, а «радянских» войск что-то не видно.

Дали нам напиться, дали хлеба, пару головок лука и даже кусочек сала — но с такими лицами, словно калекам одолжение делали. А одна бабка так и заявила в лицо:

— Столько лет вас кормили, а вы теперь от немцев драпаете...

Ну что тут скажешь? Пошли мы из деревни как оплеванные. А у околицы щипали травку гуси. Молодой, не заботясь, видит его кто из деревенских или нет, проворно сцапал одного, вмиг свернул шею и засунул в противогазную сумку, вытряхнув оттуда противогаз. Так, словно меня здесь и не было вовсе. Все же покоился на меня и обронил словно бы даже с вызовом:

— Если так дальше пойдет, все равно немцам достанется. А мы без жратвы далеко не уйдем...

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

И я, знаете, промолчал: не та была обстановка, чтобы ставить его по стойке «смирно» и напоминать о моральном облике советского красноармейца. Да и, положив руку на сердце, живот подвело, гусь был очень кстати...

Отошли мы от деревни недалеко, наткнулись на тихий ручеек в редколесье, возле него и устроились. Харч, что раздобыли в деревне, для нашей оголодавшей троицы был на один зуб, только подразнил животы...

У Комода (мужик явно был хозяйственный) нашлись и перочинный нож приличного размера, и спички. Ощипывать трофей он поручил Молодому, а потом сам сноровисто выпотрошил гуся, отрезал лапы и голову, разрезал на четыре части. Сбирать хворост отправил Молодого, а сам срезал зеленые ветки, из двух смастерил рогульки, а третью заострил и использовал как вертел — ну правильно, сырая ветка не загорится так быстро, как сушняк.

Развели приличный костер, поварские обязанности Комод взял на себя и старательно поворачивал жарено над невысоким прозрачным пламенем. Большая дорога, оказалось, пролежала не так уж далеко — мы из своего расположения ее не видели, но отчетливо слышали шум машин, гроыхание танков, шум конского обоза. С некоторых пор звуки эти раздавались едва ли не непрерывно — легко можно было догадаться, что идут немаленькие колонны. Один раз донесся треск мотоциклов — опять-таки, судя по затянувшемуся надолго тарактенью, проходило немалое количество.

— Немцы, — уверенно сказал Комод, медленно поворачивая уже зашкворчавшую гусятину.

— А может, наши, — возразил я без особой убежденности.

— Наши танки лязгают иначе, — сказал Комод. — И машины фырчат иначе. За неделю наслушались... Точно немцы. Дорога идет аккурат на восход, вот они и катят...

Сам я думал в точности так же — не наши танки едут и не наши машины, — но промолчал. И так было тошно. От гуся уже тянуло аппетитными запахами, но нужно было выдержать еще немного, чтобы не лопать полусырое, — уж настолько-то мы пока что не одичали...

Когда гусю оставалось совсем немного, я почувствовал позывы в животе — вполне возможно, после голодовки сало с луком дали о себе знать. Я отошел метров на пятнадцать в лес и устроился в зарослях изрядно вымахавших диких лопухов, крайне подходящих с практической точки зрения.

Пронести, слава богу, не пронесло, но тянулось долго. Еще издали, возвращаясь к костру, я увидел, что спутники мои оживленно беседуют. Именно что увидел, а не услышал, — они прямо-таки шептались, сблизив непокрытые головы. И когда у меня хрустнула под сапогом сухая ветка — я и не крался, шел нормально, — оба друг от друга отшатнулись, замолчали.

Что-то это мне не понравилось, но я не показал виду, сел на прежнее место — но ухо держал остро. Такие вот шепотки, учитывая окружающую обстановку, могли обернуться чем угодно. Перед полуднем, когда я часа два прошагал с «командой» май-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

ора, вдруг четверо солдат опрометью кинулись в лес, в том месте особенно густой. Вмиг исчезли с глаз. Майор сделал единственное, что мог, — запустил им вдогонку матерную тираду, а потом сказал:

— То-то ночью на привале долго шушукались... Хохлы западные, мать их так...

Вот и гусь, пожалуй что, готов. Соли нет, ну да в нашем положении не до капризов. Комод снял прут с аппетитно пахнувшей жарехой с изрядно прогоревшего костра, положил его на заранее приготовленную кучу лопухов. А потом вдруг подобрал с травы карабин и целеустремленно, с видом человека, знающего, что он делает, направился прочь от костра. Я ничего не успел сказать — он остановился метрах в пяти, повернулся к нам и сказал спокойно:

— Поговорим, лейтенант...

Молодой проворно вскочил, подхватил свой винтарь и, клацнув затвором, встал в сторонке, метрах в пяти от меня, целя не в лоб, но все же в мою сторону, так что я оказался под прицелом с двух направлений.

Ситуацию я оценил моментально и понял, что шансов нет ни малейших. Патрон у меня все эти дни, как только выехали из Минска, был в стволе, но это ничем не помогло бы: кобуру я, может, и успею расстегнуть, но не дадут мне выхватить пистолет и снять курок с предохранительного взвода, достанут не из одного ствола, так из другого, Комод затвор не передергивал, но патрон у него явно в стволе...

В голове пронеслось: вот это влип! О немецких диверсантах к тому времени широко ходили слухи.

Иногда это были дурацкие побасенки (вроде такой, что у диверсантов есть рации размером с пачку папирос, по которым они вызывают немецкие самолеты). Однако я в силу службы немало знал о реальных диверсантах, ничуть не похожих на киношного идиота Дедину, притворявшихся безукоризненно. Даже если они не диверсанты, а просто сволочь, решившая переметнуться к немцам наподобие тех западных украинцев, мое печальное положение от этого не меняется — сдадут немцам в знак своей полной лояльности. Может, для того и пригласили с ними идти — в качестве этакой контрамарки. Безусловно, они решение не сейчас приняли, чуток пошептались — должны были заранее обдумать и обговорить... Глупо как попался...

Впечатление такое, что Комод понял, о чем я думаю.

— Ты не думай, мы не изменники какие, — сказал он. — Будь мы предатели, давно бы вышли к дороге и сдались немчукам. Да и тебя бы прихватили как пропуск для новой власти. Просто решили мы, братовья сродные¹, что отвоевались напрочь. Ясно уже: что-то крепенько идет не так. И техника по дорогам пылит исключительно немецкая, и над головой исключительно немецкие самолеты носят. И нет той оравы советских танков, про которую до войны завлекательные кина крутили. Может, ее и вовсе не было, той оравы, пропаганда все... Похоже на то, что немчук пришел обстоятельно и надолго, очень может быть, и насовсем. Еще немножко

---

¹ Т. е. двоюродные.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

прошагать — и начнется Россия, а наша с Тарасом деревня не далее чем верстах в семидесяти, если забирать к юго-востоку. Вот и решили выйти из войны, устраивать жизнь при новом обороте дел...

Что хуже всего, он говорил без злости и даже без злорадства — веско, рассудительно, с этакой крестьянской сметкой, словно будущий урожай прикидывал. Честное слово, было бы легче, начни он орать, что ненавидит красных и всю советскую власть...

— Ах вот оно что, — сказал я со всей язвительностью, на какую был способен. — Полагаешь, немцы вас будут салом с салом кормить?

— Не полагаю, — сказал он все так же рассудительно. — С чего бы вдруг? Однако жизнь, полагаю, наступит совершенно другая. Немцы колхозов не одобряют, значит, будут раздавать землю крестьянам. Понятно, что-то себе возьмут, как же без этого, но и люду немало останется, сколько тех немцев...

— Ах вот оно что, — сказал я. — Если прикинуть... В коллективизации ты явно был не хлопцем, а здоровым парнем... У папаши, наверно, землицы было преизрядно? Столько, что до сих пор жалко?

— Мимо мишени, лейтенант, — спокойно сказал Комод. — Земли у него было не много, не мало. Столько, что и под раскулачивание не попал, но в колгосп¹ нас, ясное дело, загнали. А теперь есть нешуточная надежда и старую вернуть, и новой прирезать. Раньше как-то случая поговорить не было, кто откуда... Ты, по тебе видно, городской?

---

¹ Колхоз.

— Городской, — сказал я сквозь зубы.

— Вот... Значит, деревни не знаешь. А у крестьянина испокон веков одна мечта: как бы не только нынешнюю землю не потерять, но и новой добавить. Даже Сталин как-то сказал на людях: мужик, мол, на все на свете смотрит с точки зрения земли — добавляют или убавят? Ну головастый же человек, хоть и перехитрили его, судя по всему, немцы. Думаю я, во всех странах, где крестьяне есть, мужик так именно и думает. Вот и решили жизнь обустроить. Доберемся домой околицами, зброю¹ припрячем, форму либо спалим в печке, либо в навозе закопаем и заживем спокойно. У меня жена и двое по лавкам, у Тараса нареченная, ждать обещала, и девка такая, что непременно дождется. Крепко я сомневаюсь, что от немца будут обиды. Немцы — культурная нация. У меня отец в ту войну два года был в плену в Германии, так до сих пор добром вспоминает. Работал у справного хозяина, за одним столом с хозяевами ел, на перине спал, как помещик. Я, когда стал постарше, понял по некоторым намекам за самогоном с его друзьями, что он еще и хозяйскую дочку в сарае валял с полного ее согласия. Вот и я надеюсь, что от культурной немецкой нации ущерба не понесем, наоборот, жить будем, как люди, не за палочки в журнале работать, а для себя и деток...

— Ну-ну, надейся, — хмыкнул я. — Понадеялась свинья, когда ее на свадьбу звали, что ее плясать зовут...

— Глупости говоришь, — сказал Комод словно бы даже с превосходством. — Нечего человека со

---

¹ Оружие.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

свиньей равнять, свинья для сала и существует, а человек, если честно работает, достаток приобретает... Лейтенант, давай с нами? Честью предлагаю, без задней мысли. Что тебе теперь эта армия? Старая граница рухнула, а новая неизвестно когда образуется. Деревня у нас большая, не захолустная, даже электричество есть, и райцентр в паре всего верст, там железная дорога и кино... Девки у нас одна другой краше, а вот парней страшная нехватка из-за мобилизации. Подберем тебе красивую, работающую, покладистую на характер... Ты ведь, говорил, неженатый? Даже если походил по девкам, все равно не знаешь, как это приятно — с молодой женой постельку мять. Пахать-сеять ты, конечно, не умеешь, да мало ли в деревне других ремесел? Вот у тебя значок кавалерийский, значит, с конями обращаться умеешь. Только ты теперь не красный кавалерист, про которых былинники речистые ведут рассказ, — а непонятно даже и кто. А в деревне со знанием коней не пропадешь. А, лейтенант? Ты подумай, я не тороплю...

— А нечего тут думать, — угрюмо отозвался я. — Я присягу принимал. И вы ведь тоже...

— Принимали, — сказал Комод. — Только кто ж виноват, что нас запихнули в ситуевину, когда присягу, хоть ты лоб себе разбей, не выполнишь? Честное слово, мы б с Тарасом и в мыслях не держали до дому подаваться... Если б были окопы, где все б сидели, да с пушками и пулеметами, да с танками, да с «ястребками» в небе. Только не получилось никаких окопов. Танков на обочинах видели с дюжину — и все они не немцами спа-

ленные, а танкистами брошенные, целехонькие. «Ястребок» видали только один, и тут же на него немцев штук несколько навалилось, враз запалили... Слаб оказался Иосиф Виссарионович, все пшиком обернулось... Значит, не идешь? Ну, сам себе дорогу выбрал, нечего тут речи разводить... Тарас, прихвати жаренину, только лейтенанту кусок оставь, чтобы ноги не волочил...

Молодой, придерживая одной рукой направленную на меня винтовку, присел на корточки, снял прут с рогулек и переправил гусятину в противогазную сумку. Комод сказал спокойно:

— Ну, не поминай лихом, лейтенант...

Оба отступили в чашу, вполоборота, держа меня на мушке, — и, когда пропали с глаз, судя по треску веток и кустарника, припустили бегом, чтобы оказаться от меня подальше. Я не шелохнулся. Бесплезно было. Даже вспыхни у меня желание догнать их и всадить по пуле за нарушение присяги и дезертирство, к тому же с боевым оружием, — где их искать, и пытаться нечего. Говорится же, что у беглеца сто дорог, а у погони — одна...

(В сорок четвертом я попал в Белоруссию, служить на границе с Польской Народной Республикой. И поинтересовался судьбой той деревни — Комод сказал ее название. Судьба ей, как и сотням других деревень, выпала незавидная — немцы ее в сорок втором спалили дочиستا, угнали в Германию тех, кто помоложе, а остальных, кто не успел убежать в лес, расстреляли. Культурная нация, ага. Вполне могло оказаться, что и те двое попали под раздачу. Никакого злорадства я по этому поводу

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

не испытал — сами себе дорогу выбрали, что тут скажешь...)

Благородно мне оставили четвертушку гуся, причем с ногой. Не раздумывая долго, я отломил большую часть и съел без хлеба и соли, обглодав и обсосав косточки. Остаток завернул в лопух и упрятал в карман галифе — просалится карман моих шикарных синих бриджей, да что теперь их беречь...

Вытерев лопухами жирные руки, напился впрок из ручейка и зашагал на восток, уже бодрее, чем до того, — неплохо подзаправился. Понемногу шум на большой дороге становился все тише, а там и вовсе пропал — определенно я забрал влево, как бывает с человеком без компаса в лесу без тропинок. Шагал, и в голову поневоле лезли разные мысли...

Прежде всего я гадал о судьбе друзей-товарищей в зеленых пограничных фуражках. Уж они-то ни за что не стали бы драпать на восток. После войны стало известно, что так оно и произошло, достойно встретили немца войска товарища Берии, занявшие оборону еще в ночь перед немецким нападением. Вот только об участии многих застав, отрядов и комендатур мы ничего не знаем до сих пор и никогда уже не узнаем — живым оттуда никто так и не вышел...

Подумав тревожно о людях, я подумал и о своем Абреке — с ним-то что приключилось? Комод не на пустом месте назвал меня «красным кавалеристом» — я им и был. В городе у нас был ипподром, и давно, еще до того, как я вошел в пионерский возраст, там сколотилась группа мальчишек (было и немного девчонок), которые там пропадали,

за что иногда получали дома втык — когда это шло в ущерб выполнению домашних заданий и чтению книг. Убирали в стойлах, а потом нам доверяли и поить коней, и чистить скребницами. Все, кто работал на ипподроме, относились к нам хорошо, если видели, что это не минутный каприз, а серьезное увлечение. Иногда доверяли даже немного проехаться верхом — в виде особого поощрения. И многие из «юных кавалеристов», как нас кто-то прозвал, достигнув призывного возраста, стремились как раз в кавалерию — и многие попадали. Вот и я, прикипев душой к коням, когда подошел мой год, попросился в «синие петлицы». В военкомате я был такой даже не десятый, но капитан рассудил иначе — и петлицы мне достались не синие, а зеленые, направили в Харьковское кавалерийское пограничное училище. Там я и заслужил значок «Ворошиловский конник» — гораздо более редкий, чем «Ворошиловский стрелок». Он и теперь красовался у меня на гимнастерке рядом с «Ворошиловским стрелком». До войны их разрешалось носить на гимнастерках, но после начала войны они как-то быстро с военной формы исчезли. Нет, не было запрещающего циркуляра — просто-напросто как-то и неуместно показалось носить посреди грохотававшей войны мирные значки довоенного, во многом беспечного времени...

Потом лес стал редеть, и я вышел к довольно широкой, наезженной дороге. Почва здесь была песчаная, дожди давно не шли, и следы легко читались — пограничник должен уметь разбираться во всевозможных следах. Больше всего их было от

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

копыт и тележных колес, но среди них виднелись и оставленные безусловно автомобильными шинами — одним-единственным автомобилем, явно тут проходила не колонна, а одинокий самоход, очень похоже, что не грузовик или легковушка, а тяжелый броневладелец, типа БА-10.

После недолгого раздумья я и двинулся по дороге — она вела на восток, пусть и не прямехонько, а с некоторым отклонением к северу, но не особенно большим. Разумеется, непонятно было, иду я к деревне или от деревни (такая дорога свидетельствует, что неподалеку есть деревня, очень возможно, и немаленькая), — откуда на такой дороге указатели и таблички? Но, в конце концов, передо мной стояла самим собой поставленная задача — не людей искать, а продвинуться как можно дальше на восток. Впрочем, если места достаточно оживленные, может, и удастся разузнать обстановку. Лишь бы там не было немцев, казавшихся уже вездесущими...

А там меж деревьями показалась и околица, первые деревенские дома. Вот тут следовало держать ухо востро, чтобы не попасть как кур в ошип... Присмотрев местечко, где подступавший к околице лес был погуще, я укрылся за толстой елью и стал наблюдать в четыре глаза, слушать в четыре уха.

Определил я правильно: через пару домов от крайних стоял броневладелец БА-10, серьезная машина на трех осях, с танковой пушкой в башенке. Калибр я с ходу определить не смог (он мог быть и тридцать семь миллиметров, и сорок пять), но такие подробности были мне совершенно ни к чему. Гораздо интереснее другое: башенный и бортовой

люки распахнуты настежь, и по броневику, азартно перекликаясь, лазают с обезьяньим проворством с полдюжины босоногих мальчишек. Двое гордо восседают на башенке, один подтягивается на стволе пушки, как на турнике (башня повернута так, что пушка смотрит в сторону), а еще двое — мать же твою! — вертят в руках снаряд от пушки. Хорошо еще, просто разглядывают, но если один из огольцов трахнет камнем по капсулю...

В том доме, возле которого стоял бронеавтомобиль, возилась в огороде женщина, не обращая никакого внимания на забавлявшихся со смертоносной штуковиной ребятишек. Она была ко мне спиной, но, судя по оплывшей фигуре, уже в годах. В доме слева мужик лет пятидесяти лениво что-то делал с тележным колесом. Доносился, так сказать, повседневный собачий брех. Поблизости слышался стук топора — судя по интервалам между ударами, рубили дрова. Наконец, слева щипал травку табунок гусей. Судя по всему — особенно последнему обстоятельству, — немцев в деревне не было, может быть, еще не появлялись вообще. Иначе бы точно не обошли вниманием гусей, наверняка и бронеавтомобиль. Капитан рассказывал: два дня назад они встретили на дороге тройку БА-10 и обрадовались было, но вовремя заметили на бортах свеженамалеванные немецкие кресты, черные с белой каймой. Укрылись в лесу, но броневики их обстреляли и покатали дальше, — а за ними тянулись грузовики с немецкой пехотой.

Положительно, деревня жила мирной жизнью, как до войны... И я решил: вышел из-за дерева

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

и направился в деревню, предварительно все же расстегнув кобуру и продумав пути отхода — если не так возвышенно, прикинув, как в случае чего со всех ног припустить в лес.

Пацанята меня заметили — и дружно припустили вдоль по улице, только босые пятки мелькали. Снаряд те двое бросили — ну, он от сотрясения не взрывается, не то что иные артиллерийские калибры с ввинченными взрывателями... Я подобрал его и осмотрел — капсюль целый. Заглянул в броневик: там на своем месте лежали пулеметные диски, а в решетчатом ящике торчали острые головки снарядов — все на месте, только одно гнездо пустое, вот он, снаряд оттуда, лежит в пыли у моих ног. Помянул недобрым словом экипаж — машину они, предположим, бросили, потому что кончилось горючее, причина самая что ни на есть уважительная, но вот бросить снаряды там, где детвора запросто могла подорваться... Боекомплект целехонек — значит, за все эти дни с немцами ни разу в бой не вступили. Драпали, обогнав пехоту, или попросту не выпало случая повоевать? Да ну их к черту, незачем ломать голову...

Неплохо было бы прихватить с собой пулемет с парочкой дисков — но замучаешься тащить, и, что важнее, в одиночку против колонны не много и навоюешь, даже с двумя пулеметами... Так, приборная доска вдребезги разбита, сразу видно, не спеша и обстоятельно: ни одного целого циферблата, только осколочки стекла на полу, стрелки либо погнуты-вмяты, либо выломаны. Хоть об этом позаботились, моторные. Да и пулемет без замка...

Сзади раздался звонкий тенорок:

— Интересноуетсяь, военный товарищ в синих штанах?

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки и не спеша вылез. Спрашивал старичок в поношенном пиджаке со значком давным-давно отмененного общества «Друг детей», с редкой сивой бородкой на манер всесоюзного старосты товарища Калинина. Судя по лукавой хитрованской физиономии, здешний дед Щукарь, изволите ли видеть.

Оказалось, за то недолгое время, что я осматривал нутро броневедомобиля, возле него собралась немалая кучка деревенских: злоязычный «друг детей», две старухи, мужик крепко за сорок, три женщины того же примерно возраста и два юнца старшекласных годков — оба, кроме комсомольских значков (они тогда были не с профилем Ленина, а с буквами КИМ в кружочке — Коммунистический интернационал молодежи), щеголяли и неплохим набором значков других: тут и «Ворошиловский стрелок», и БГТО, и ПВХО¹. И та женщина, что возилась в огороде, смотрела на нас, подойдя вплотную к невысокому хлипкому заборчику.

Подходили еще два мужчины и две женщины — ну форменное тебе «по улицам слона водили»... Их взгляды оптимизма не внушали: двое мальчишек, правда, тарасились чуть ли не восторженно, а взрослые смотрели хмуро, недружелюбно. Навидался я уже таких взглядов за последние дни. У таких язык не повернется еды в дорогу просить.

---

¹ Готов к труду и обороне; Готов к противохимической обороне.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

Ладно, перебежую, кусманчик гусятины есть, разве что попросить какую-нибудь баклажку или пустую бутылку под воду... Уж напиться, я думаю, дадут...

— Отступаете, значит, военный товарищ? — спросил язвительный дедок, светясь улыбочкой и поглядывая искоса на односельчан с видом успешного клоуна.

— Так сложилось, — ответил я.

— Поди, на заранее подготовленные позиции?

Тут уж я промолчал.

— В точности как в ту германскую, — сказал мужик в годах с тем напускным бесстрашием, что хуже явной насмешки. — Тоже орали все поначалу, с ба-тюшки-царя начиная: шапками закидаем, на вилы взденем, как сноп соломы... А потом насмотрелись... Сидишь в окопе с винтовкой, а он «чемоданами»¹ забрасывает...

— Да что вы такое говорите, дядя Рыгор! — воскликнул негодующе тот из комсомольцев, что был повыше ростом. — Сравнили тоже царские времена с советскими! Красная армия, я так полагаю, разворачивается для решающего удара...

— Развернули младенца — а он обкаканый... — проворчал мужик.

Тот, что пониже ростом, спросил звенящим голосом:

— Товарищ лейтенант, а нас призывать будут? Мы в аккурат десять классов кончили в райцентре, винтовку знаем и наган, в противогазах кросс бегали...

Стоявшая рядом женщина залепила ему смачный подзатыльник и прикрикнула:

---

¹ «Ч е м о д а н» — крупнокалиберный снаряд.

— Без тебя, сопля, повоюют!

— Без тебя успешно отступят, — поддержал глумливый дедок. — До самого до Кремля, с которого, в каком-то стихе говорится, вся земля начинается...

— Да что вы такое говорите? — воскликнул парнишка чуть ли не со слезами на глазах. — Кто ж их пустит? В Кремле товарищ Сталин!

— Может, уж не в Кремле, а в Бугульме... — проворчала та баба, что отвесила ему подзатыльник.

Видя, что готова разгореться свара, я поспешил вмешаться:

— Есть другой вопрос, товарищи. Сельсовет в деревне есть?

— Куда ж без него, — сварливо ответила воинственная баба. — Деревня большая, сельсовет полагается... Только председатель как уехал третьего дня в райцентр, так и не вертался, хоть до райцентра и девяти верст не будет... А что?

— Надо бы насчет этого что-нибудь придумать. — Я тронул носком сапога лежавший в пыли снаряд. — Их там много, ребятишки подорваться могут. Вы, я так понимаю, воевали? — повернулся я к мужику.

— Два года винтовку таскал за бога, царя и отечество, — мрачно сказал он. — Потом красные мобилизовали. Снаряд, конечно, штука опасная, это мы понимаем, да вот руки не дошли...

— К Левонтию их в колодец покидать, — предложил дедок, кивнув на близлежащий дом. — Он партийный, ему как бы и положено. В колодце-то не рванут, военный товарищ?

— Не рванут, — сказал я.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

— Вот и ладненько, — кивнул дедок. — Все равно Левонтий в отъезде. Вчера запряг лошадку, посадил жену с дитем, два узла прихватил и покатил неизвестно куда. Он партийный, а партийных, слух прошел, немец крепко не одобряет...

— Надо что-то придумать со снарядами, — сказал я. — Ваши ж дети... А как с машиной было? — спросил я, кивнув на броневтомобиль.

— Обыкновенно, — охотно ответил дедок. — Закатила она в деревню, замолчала и встала. Один сказал сквозь зубы: горючка кончилась. Мы их не особо и спрашивали: бешеные какие-то все трое, зыркают по-звериному, за кобуру хватаются. Поесть попросили, не так чтобы по-хорошему, люд собрал того-сего от греха подальше, они и ушли своей дорогой. А что вокруг делается, военный товарищ? Вы, я так понимаю, из командиров будете? Вон Гринька вас лейтенантом назвал. А вот я, уж не гневайтесь на скудоумного, что-то ничего флотского в вас не усматриваю. Я при царе Александре Последнем службу во флоте отбывал, так только на флоте и были лейтенанты, а на суше — исключительно что поручики...

Не было никакой охоты читать ему лекцию о советских воинских званиях, и я ответил сухо:

— Теперь и на суше лейтенанты есть.

— Скажите пожалуйста! — делано изумился вредный дедок. — Вот она как жизнь меняется причудливо. И броневики раньше были гораздо ледашее. — Он посмотрел поверх моего плеча на броневтомобиль. — И ползучих танков в ту войну не было...

— Были, — хмуро поправил мужик. — Это у нас не было, а в других державах были. Тимоха Стус во

Франции воевал с нашей пехотой, так там были железные и ползучие... С пушками.

— И тут недосмотрел проклятый царизм! — отозвался дед. — Везде были, а у нас не было, — оглянулся на комсомольцев. — Хлопцы, я ведь политически правильные речи веду?

— Правильные, — сказал тот комсомолец, что повыше, уже несколько сумрачно. Лица у обоих уже не казались мне восторженными.

— И нынешние танки, надо полагать, проворнее и основательнее тех будут? — спросил дед. — Видел я раз издали, как они по тракту шли — здоровенные, больше хаты, и башенок с гарматами¹ у них было по пять даже штук, а не по одной, как вот у этого... Лучше ведь советские танки старорежимных?

Тут чуялся подвох, но я все же кратко ответил:

— Лучше.

— Отож! — воскликнул дед. — И танки лучше, и аэропланы проворнее, а все одно который день отступают товарищи военные со всех ног...

Словно некий спусковой крючок нажал, ехидна старая, — женщины наперебой загомонили:

— Который день тянутся на восход, защитнички!

— А радио со столба орало: несокрушимая, мол, легендарная... Где несокрушимая?

— Выходит, и наши детки вот так от немца бегут, если живые?

А одна бабенка, нахально глядя мне в глаза, громко пропела:

---

¹ Гармата — пушка.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

Ворошилов на баяне,
Сталин пляшет трепака.
Проплясали всю Расею
Два кремлевских дурака!

Последовал общий хохот разной степени веселости. Оба комсомольца дернулись было, но, поглядев по сторонам, угрюмо молчали.

И снова:

— Так и до Москвы допятитесь!

— Сколько вас кормили? Не в коня вышел корм!

Я стоял как оплеванный — не мог найти слов, да и не помогли бы тут никакие слова. Не за пистолет же хвататься? И главное, самому непонятно: где несокрушимая и легендарная?

Не походило пока что, будто они собираются накинуться с рукоприкладством, но легче от этого не стало: слова были хуже оплеух. Я стоял, не зная, куда девать глаза, а они подступали все ближе, кричали все громче, звучали вопросы, на которые у меня не было ответов, ядовитые реплики, за которые совсем недавно насиделись бы в НКВД от зари до заката. Комсомольцы совсем сникли, а бабы — их набежало уже десятка полтора, и двое мужиков подошли, — такое впечатление, старались перекричать друг друга, доходя даже до злословия на вождей. Скорее всего, им просто представился случай сорвать на мне зло и растерянность, — но у меня и своих хоть отбавляй, и даже в сто раз более мучительных: я, в отличие от них, кадровый военный, пограничная разведка, но ни черта в происходящем не понимаю...

И тут раздался женский голос, молодой, звонкий, укоряющий:

— Да хватит вам! Насели на парня как я не знаю кто!

Все моментально замолчали, словно повернули некий выключатель. И даже торопливо расступились на обе стороны, освобождая проход ко мне. На некоторых лицах — и у язвительного старичка тоже, и у здорового мужика, зацепившего империалистическую, — я увидел самый натуральный страх.

Совершенно непонятно, откуда этот несомненный страх взялся, — застывшая за меня молодая женщина вроде бы таких эмоций вызывать не должна: не старше тридцати, а то и помоложе, красивая, темноволосая и темноглазая, со скрученной на затылке калачиком косой, одетая в точности так, как здешние, — темная юбка, не домотканая, а «городского пошива», белая блузка, простые туфли. Какая-нибудь местная советская или партийная власть? Было в ней что-то неуловимо властное — осанка, голос, взгляд... Учительница, которую уважают? Секретарь парткома? В таких деревеньках обычно не бывает ни школы, ни парткома...

Она прошла ко мне меж расступившихся (и еще подавшихся назад односельчан) с таким видом, словно их здесь и вовсе нет, остановилась передо мной в каком-то шаге, окинула с головы до ног непонятым, но явно внимательным взглядом, спросила скорее сочувственно:

— От своих отстали, товарищ лейтенант?

— Можно и так сказать, — ответил я посреди всеобщего молчания. — К своим пробираюсь.

— Понятно... — кивнула она. — Устали, наверное, и ноги сбили? Есть хотите?

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

— Не без этого, — обтекаемо ответил я, искренне надеясь, что не выгляжу жалким и голос звучит бодро.

— Пойдемте ко мне, — сказала она просто. — Обихожу, как смогу. У меня муж в армии, я все понимаю...

Она была красивая, и, что важнее, в ней никак не усматривалось обидного сочувствия, обидной жалости — ни в лице, ни в голосе. К тому же — жена военного. И я сказал:

— Благодарствуйте, — не без радости, что оборвалась неприятная сцена. Спohватившись, отыскал взглядом вояку Первой мировой, сказал ему: — Вы уж со снарядами что-нибудь придумайте, а то вернется детвора, опять возиться начнет, может плохо кончиться.

— Сделаем, товарищ лейтенант, — сказал он торопливо, едва ли не по-уставному. — Тотчас же сам в колодец к Левонтию покидаю. Даже если и вернется, от них воде вреда не будет...

Смотрел он при этом, что характерно, не на меня, а мимо меня, на женщину. Аллах с ним, мне только и не хватало вникать в местные взаимоотношения... Женщина пошла прочь с таким видом, словно не сомневалась, что я за ней последую, — я и последовал, догнал через три шага, пошел рядом. Спросил:

— Немцев в деревне не было?

— Не наезжали пока, — пожала она плечами. — В Жовтяны, говорили тамошние, заскакивали. Жовтяны от нас километрах в пяти. — Она показала рукой примерно на юго-восток. — Мотоциклов несколько штук и две машины вроде танков, на гусе-

ницах, только без башен и кузова на манер грузовиков. Особого вреда людям не сделали, разве что наловили кур и гусей, сбили флаг над сельсоветом и укатили. Я так понимаю, они главными силами идут по Гомбелянскому тракту. — Она опять показала рукой. — Никто не понимает, что происходит.

— Я тоже, — сказал я, не дожидаясь вопросов, на которые не будет ответов. — Никто ничего не понимает... пока что.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Константин.

— Женат?

— Нет пока. — Про Наташу я упоминать не стал.

— А я Оксана. Костя, мне вот что непонятно... Ты пограничник, а значок у тебя — «Ворошиловский конник»...

Не было ничего удивительного в том, что жена военного разбирается в таких значках.

— Как тебе объяснить... — сказал я, раз уж мы как-то незаметно перешли на «ты». — Бывают пограничники пешие, а бывают конные. Вот и я такой — пограничный кавалерист, — и не удержался, вздохнул тяжело. — Видела бы ты, какой у меня конь остался, трехлеток, буденновской породы...

— Что же, ты от самой границы... отступаешь?

— От Минска, — сказал я. — Ехал из отпуска на границу, да не доехал, началось...

— Понятно. До наших добратся думаешь?

— Надеюсь, — сказал я. — Рано или поздно кончится же такое отступление. Карту бы мне еще... У тебя чего-нибудь такого не найдется? Атлас какой-нибудь...

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

— Вот чего нет, того нет... Я тебе потом на бумажке примерно нарисую окрестности. Это, конечно, будет не точная карта, откуда бы мне уметь карты рисовать...

— Для меня и приблизительная будет — настоящее сокровище, — сказал я с неподдельным энтузиазмом. — А то бредешь, как слепой котенок, только по солнцу и ориентируешься, а это сплошь и рядом не помогает... Оксана, неужели ты местная?

— Что, не похожа? — спросила она где-то даже с ноткой кокетства.

— Не особенно, — сказал я. — Пограничники — люди наблюдательные, ремесло такое. И по здешним деревням я поездил год. Одета ты, в общем, вполне по-деревенски, но и говоришь чуточку иначе, и фразы не так строишь, и лексикон чуточку другой...

Было еще кое-что, о чем я промолчал. От нее пахло очень хорошими духами, неизвестными, но явно недешевыми, классными. Я не большой специалист в женской парфюмерии, служба такого знания не требовала, но аромат ничуть не походил ни на один из популярных, широко распространенных сортов. С другой стороны... Чересчур, мне кажется, духи хороши для захолустной деревни. Ну мало ли откуда у нее такие...

— Костя, ты настоящий майор Пронин¹, — засмеялась она. — Все правильно отгадал. Я городская. Сама из Витебска, пединститут закончила

---

¹ Герой популярных в 30–50-е гг. детективов Льва Овалова.

в Минске, а сюда попала по распределению. В Жовтяны, в начальную школу. Там и работаю. Уже год как отработала свой срок, но трудновато найти более подходящее место... Ты вроде бы удивился?

— Ты сама говорила, что Жовтяны отсюда — километрах в пяти, — сказал я. — Неужели каждый день — туда-назад?

— Приходится, — сказала она с улыбкой. — Такова уж доля сельской учительницы... Ну не каждый день, конечно, в особенную непогоду остаюсь в Жовтянах. У меня хорошие отношения с директором, мне выделили комнатку при школе. Правда, особенная непогода здесь редко бывает, очень хороший климат...

— А преподаешь что?

— Чтение, письмо и родную речь. У нас в школе нехватка педагогов, каждому приходится несколько предметов вести... Что ты смеешься?

— У меня в свое время самые плохие отметки были как раз по письму, куча двоек. Даже однажды на второй год собирались оставить. В старших-то классах и выправился, а в младших писал как курица лапой.

— Такой бравый пограничник — и бывший двоечник... Ничего, ты сейчас попал в руки к строгой учительнице. — Она стала серьезной. — Костя, я тебя покормлю, постираю форму, переночуешь у меня, а завтра пойдешь. Не такой уж еще вечер, но все равно, ночевать придется в лесу под деревом.

— Неплохо, конечно, однако... Ты, я так думаю, одна живешь? Раз муж у тебя военный, он наверняка неблизко от этих мест служит...

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

— В Одесском военном округе.

— То-то и оно... Что в деревне скажут, если у учительницы посторонний мужчина заночует?

— Скажут, что война. — В ее голосе прорезались словно бы высокомерные нотки. — Да и не станут языками чесать...

Выходит, я угадал правильно — учительница, которую в деревне уважают. Но я собственными глазами видел и ошибиться не мог — не просто уважают, а откровенно побаиваются. Что ж, мы люди взрослые, и я не в трамвайном депо служу. В жизни бывают замысловатые коллизии. Скажем, у нее, выразимся деликатно, особые отношения с некоторыми учреждениями, в деревне это известно, вот ее и побаиваются. Очень жизненная коллизия.

— Ну что, перестал тревожиться за мое доброе имя?

— Перестал, — сказал я. — Только насчет стирки — это ты зря. Не стоит так уж обо мне заботиться, перебьюсь. Военному человеку не привыкать...

Но подумал: неплохо было бы пойти дальше в стираной форме. Прекрасно знал, что несет от меня, как от козла, и портянки сопрели. Вымыться бы еще с ног до головы...

— Костя, не будь таким чопорным, — сказала Оксана с легкой укоризной. — Мне не в тягость, наоборот — сто лет на мужчину не стирала. Как в армии говорят, приказы не обсуждаются? Ответа не слышу.

— Так точно, — сказал я, чуть-чуть расслабившись в окружении мирной, прямо-таки довоенной жизни.

— Ну то-то... Мы пришли.

Хатка под добротной тесовой крышей была маленькая, в три окна по фасаду (одно слева от двери и два справа), а вот подворье весьма даже немаленькое: банька, сарай, колодец под двускатной крышей, огород (грядки с морковной, луковой и редисочной зеленью, несколько наливавшихся капустных кочанов, подсолнухи и кусты непонятной ягоды, кажется, малины — никогда не был силен в садоводчестве), да вдобавок картофельное поле не менее пяти соток. Причем картошка старательно прополота, только взрыхленная земля и аккуратные рядки уже набиравших высоту зеленых кустиков. Все это хозяйство окружено невысоким, но справным, ничуть не покосившимся нигде заборчиком.

Налицо пища для быстрых размышлений. Оксана — городская девушка, несомненно, за несколько лет житья-бытья здесь набралась деревенской сноровки, но все равно одной, без помощи ей трудноვა-то управляться с таким хозяйством. Напрашиваются варианты. Возможно, учительнице, которую в деревне не то что уважают, но чуточку и побаиваются, старательно помогают односельчане (в первую очередь, скорее всего, те комсомольцы). Возможно, все обстоит в соответствии с грубоватой прозой жизни и есть у нее друг сердечный, регулярно прикладывающий руки к подворью своей симпатии. Я не вчера родился и прекрасно знаю, какие порой возникают отношения у молодых и красивых замужних женщин, долго пребывающих в разлуке с мужем, — причем далеко не всегда эти отношения заслужи-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

вают не то что нецензурного, но и просто плохого слова. В конце концов, это совершенно не мое дело, я тут человек случайный, бродяга переходящий и вряд ли сюда еще когда вернусь...

Скворечник на высоком шесте (судя по всему, обитаемый) имелся, а вот собачьей конуры нигде не видно, и никакая собака не выскочила на звук распахнувшейся калитки, так что я вошел во двор не боясь, что какая-нибудь беспородная шавка вцепится мне в сапог. Тщательно пошоркал подошвами по лежавшему у двери темному, крупно вязанному половику, и мы вошли. Оксана провела меня в большую комнату на два окна, явно игравшую роль горницы, обставленную довольно скромно: стол, несколько стульев, этажерка с книгами. Естественно, мое внимание сразу привлек большой фотопортрет на стене: человек лет тридцати (судя по сжатым губам и орлиному взору, мужик с характером), в гимнастерке, с медалью «За отвагу» и четырьмя треугольниками на петлицах с кавалерийскими эмблемами — значит, не старшина, а, как принято в кавалерии, помкомэск.

— Муж, я так понимаю? — спросил я Оксану.

— Он самый, лихой кавалерист, только былинки речистые о нем пока что не ведут рассказ — как и о тебе, надо полагать...

— А медаль за что?

— За Халхин-Гол.

— Значит, он в Одесском округе сейчас?

— Ага, там. Последние два года их полк стоял в Тирасполе, а сейчас и гадать не стоит, куда их закинуло. Ясно только, что куда-то закинуло, сейчас

ведь всех военных с места сорвало, тебя тоже, так что сам понимаешь...

Что характерно, когда она говорила о муже, в голосе не прозвучало ни капелюшечки теплоты — скорее уж спокойное, устоявшееся равнодушие. И я уверился, что семейная жизнь у нее определенно не сладилась. Снимок законного мужа висит, а вот свадебной фотографии нет — а ведь в деревнях, да и в городах ее обычно вешают на стенку. За два года она так и не перебралась к мужу в Тирасполь — не такой уж захолустный город, который, несомненно, для девушки, родившейся в Витебске и учившейся в Минске, был бы гораздо привлекательнее этой глухомани. Предположим, замуж она вышла не так уж и давно, после того, как попала сюда, — но и тогда никто бы не запретил направленной по распределению молодой специалистке перебраться к законному мужу. Положительно, семейная лодка с пробоиной, хотя и держится на плаву — ни разу не сказала о муже, что он бывший, значит, они все еще не в разводе. Всякое в жизни случается — и не помогут тут ни орлиный взор вкупе с боевой медалью, ни полученный в Минске диплом о высшем педагогическом образовании...

Но и это меня совершенно не касалось, так что я решил больше не тешить пограничную проникаемость...

— Говоря по-военному, диспозиция будет следующая, — деловито сказала Оксана. — Я схожу в баню, нагрее воды, и вымоешься как следует. Потом все твое постираю. Голым сидеть не будешь — у меня тут лежит обмундирование мужа, в котором,

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

когда он здесь в отпуске был, с огородом возился. Стираное, разве что неглаженое. Как это говорят? Второго срока носки?

— Есть такой термин...

— Ну вот. Тебе, я надеюсь, не поперек души вечер в чужой одежде походить?

— Нисколько, — искренне признался я. — В гражданском было бы чуточку неуклюже — сто лет гражданского не носил. А форма — самое то.

— А после баньки поужинаем... Ох, я не подумала... Может, ты голодный? И сначала поесть хочешь?

— Да нет, — сказал я. — Так получилось, что недавно поел плотно. Вот без табака тяжеленько...

— Ну это дело поправимое, — улыбнулась Оксана. — После мужа осталась пара пачек. Представляю, каково тебе сейчас, хотя уши вроде бы не опухшие...

Она достала из тумбочки непечатую пачку «Норда», спички, подала мне:

— Можешь дымить прямо здесь, я привыкла, вон и пепельница стоит. Ну, я пойду согрею воду...

И вышла, грациозная не по-деревенски. Я все же устроился на крыльце, сел на верхнюю ступеньку, на половик. Высмолил одну за другой две папиросы, так что поначалу даже голова закружилась. И сидел просто так, после всех бродяжких — и тягостных — странствий отдыхая телом и душой. Солнце уже опустилось за верхушки ближайших деревьев — редколесье здесь вплотную подступало к деревне, и хата Оксаны была одной из крайних. Тишина стояла покойная, лишь иногда нарушавшаяся мирными дере-

венскими звуками: побрехивали собаки, замычала корова, загоготали гуси, простучала телега, где-то совсем близко с гиканьем пронеслась ватага ребятишек... Здесь не было никакой войны. Даже плохо верилось, что не так уж и далеко по дорогам нахально катят немцы. И ни одного самолета в небе...

Похоже, у Оксаны что-то не ладилось: из трубы небольшой баньки так и не показался дымок. Я хотел было пойти помочь ей растопить печку, но почему-то не решился, вернулся в залу. И только теперь обратил внимание на странную штуковину.

Она лежала на подоконнике рядом с чистехонькой стеклянной пепельницей. Рукоять длиной с мой указательный палец, из светлого металла, сплошь покрытая затейливым узором, и явно деревянный стержень с закругленным концом, чуть потоньше, и дерево какое-то странное, коричневое, в черных прожилках. Не удержался, взял эту штуковину в руки, рассмотрел повнимательнее: тонкая работа, узоры искусно прочеканены, может быть, ручка и серебряная...

— Любишься? — раздался рядом голос Оксаны.

— Интересная штучка, — сказал я, торопливо и неуклюже положив ее назад. — Что это такое?

Показалось, что на ее лице промелькнуло легкое замешательство, но она тотчас ответила самым беззаботным тоном:

— Указка такая. Директор на день рожденья подарил, сказал, еще его деда, дореволюционной работы. Он у нас потомственный учитель, отец из земских... Ну все. Воды я нагрела, сейчас принесу одежду. А твою постираю потом.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

Быстро она управилась... Я, конечно, ничего не сказал, остался стоять у подоконника. Оксана быстро принесла выцветшую гимнастерку с петлицами без знаков различия и эмблем, все прочее, в том числе и стоптанные сапоги. И я пошел в баню. Там было темновато, как во всякой бане, — выходящее на зады окошечко под самым потолком было крохотным, служившим скорее для вентиляции. Стояла полная воды ванна: большая, цинковая, с расширением в одну сторону, — но взрослый уместился бы там лишь сидя. И четыре полнехоньких ведра. Я осторожно попробовал указательным пальцем: в ванне и двух ведрах оказалась не горячая, но очень теплая вода, в двух холодная. В деревянной коробочке лежало мыло, похоже, неначатое: закругленный кусок странного светло-сиреневого цвета. Пахло очень приятно. Вот два больших полотенца на гвоздике в углу были самыми обыкновенными: махровые, бело-синие.

Что-то тут не складывалось. Очень уж быстро она нагрела воду. И мыло чересчур роскошное для деревенского сельпо, скорее уж недешевое городское, к тому же невиданного мной прежде цвета — ну, в конце концов, я тут не спец и не знаю все наперечет сорта... И вот что еще...

Присев на корточки, я осторожно взялся двумя пальцами за овальную ручку чугунной печной дверцы. Она оказалась совершенно холодной, я повернул ручку и дверцу открыл. Ни малейшим жаром оттуда не шибануло: на колоснике лишь кое-где горки сизого пепла. Ничуть не похоже, что печку только что топили, — к тому же нигде не видно ни

поленьев, ни угля. И тем не менее вот она, теплая вода в ванне и в ведрах...

Я не стал ломать голову над всеми этими несуразностями — все тело зудело, особенно ноги, а тут налицо были теплая вода и мыло, так что следовало принимать все как есть. Снял первым делом портупею с кобурой и примостил поблизости от ванны — на случай, если в эту покойную тишину все же нагрянут немцы. Попасть в плен голым в бане будет вовсе уж унизительно...

Прикинул, как в случае чего драпать в редколесье, — успею, шум моторов будет слышен издалека, а пешком немцы не ходят... Снял гимнастерку, отвинтил оба ворошиловских значка. Комсомольского не было — я уже три месяца как был членом партии. Вот только мой партбилет, что особенно скверно, остался со всеми прочими документами у того дерганого старшего лейтенанта, которого, очень может быть, и в живых-то нет. Поди докажи потом, что партбилет я не закопал и не выбросил...

Залез в ванну и уселся там, как турецкий султан, разве что без лоботрясов с опахалами и, что грустнее, без гаремных красоток, которых показывали в кинокартине — то ли «Багдадский вор», то ли какая-то другая заграничная, сейчас и не вспомнить. Оказалось, сиреневое мыло отлично мылится, я быстро оказался по пояс в невесомой, хрупко-дырчатой, приятно пахнущей пене. Так что распрекрасно вымылся, покряхтывая от удовольствия. Облился из ведра, старательно вытерся и другим человеком себя почувствовал, бодрым и уверенным, ничуть не похожим душой на затравленного беглеца, — но,

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

понятное дело, по-прежнему ни черта не понимал в происходящем, и не было никого, кто мог бы объяснить...

Кавалерийский старшина определенно был выше меня ростом и в плечах пошире, так что его форма второго срока носки, в зеркало не смотришь, сидела на мне мешковато, и сапоги оказались великоваты — но все же не настолько, чтобы ноги в них хлябали. Главное, портупея моя, на меня подогнана...

Отнес свою форму Оксане, сказал, подумав:

— Как бы не увидели, что во дворе сушится... Деревенские сплетники, я так понял, тебя не напрягают, но если немцы нагрянут...

— Ничего, — сказала она спокойно. — Я все в сарае повешу, с улицы не увидят... Чаю хочешь?

— Вот от чаю не отказался бы...

Она ушла на кухню, вскоре принесла заварочный чайник, другой побольше, пузатую чашку с синими цветочками и вазочку с конфетами, забрала в охапку одежду (гусятину я, поразмыслив, вместе с жирным лопухом сунул в печку в бане) и ушла с напутствием быть как дома.

Ну, я и взялся чаевничать. Снова пошли странности: оба чайника были горячими — а ведь я не слышал, чтобы растапливала печку, да и не успела бы за столь короткое время. И конфеты оказались невиданные: шарики шоколадного цвета (и шоколадного вкуса) размером с вишню, и в них какой-то таявший во рту крем. Я снова не стал ломать голову: дареному коню в зубы не смотрят. Тем более что заварка была правильная, чуть ли не дегтярного цвета. Так что я, оставив ворот гимнастерки незастегнутым

(все равно был великоват, не по моей шее), выдул три немаленьких чашки и подобрал почти все непонятные конфеты. Кавалерийский старшина смотрел со стены сурово, словно хотел рявкнуть: «Чай гоняешь, орел товарища Берию? А по дорогам немцы прут, как у себя по штрассе!» Ну посмотрел бы я на него на моем месте — мало было бы толку, кинься он в лихую атаку с клинком наголо на немецкие танки... Как у них там все же дела в Одесском военном округе? Это мы, очень похоже, оказались на направлении главного удара, а в других округах, хочется верить, дело обстоит не так уныло...

Покурить опять пошел на крыльцо. На сей раз Оксаны не было гораздо дольше — отсутствовала примерно столько времени, сколько и требуется, чтобы старательно все постирать. (Что у нее все же за фокусы с водой? Вот так и подумаешь: может, колдовство какое? Не пойдет. Во-первых, я, воспитанник советской школы, пионерии и комсомола, член партии, в колдовство решительно не верю. Во-вторых, о подобном и в детстве в сказках не читал. Не было там ничего о бытовом, так сказать, колдовстве, которым можно вскипятить воду или сделать вкуснящие конфеты, каких я в жизни не пробовал. С колдовством в сказках обстоит гораздо завлекательнее... а порой и гораздо страшнее...)

Оксана отнесла в баньку охапку одежды, потом подошла к крыльцу: рукава закатаны повыше локтя, белая блузка спереди во влажных пятнах, волосы чуть растрепались. Тыльной стороной ладони отвела с глаз выпавшую прядь:

— Заждался?

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

И снова в ее голосе и взгляде проявилось легкое кокетство, оставленное мною без мысленных комментариев... Я подумал и ответил нейтрально:

— Да не так чтобы... Спасибо, что для меня так старалась.

— Да какие это труды... — откликнулась она весело. — В кои-то веки настоящей хозяйкой себя почувствовала, со всеми прежними хлопотами... Покуришь еще или пойдем ужинать?

— Я б поужинал...

— Вот и пошли, хватит дымить на пустой желудок, как это у вас, мужиков, заведено...

Ужинали в горнице. Оксана надела другую блузку, синюю в белый горошек, застелила стол чистой белой скатертью с бахромой и стала проворно хозяйничать. Снова обозначились странности. Суп был как суп — с мясом, макаронами, морковкой-лучком и даже с перчиком, но опять-таки горячий, хотя у нее не было бы времени растопить печку и согреть. Хлеб необычный — вроде бы свежий белый, но не обычные буханки, а этикие каравайчики размером с чайное блюдце, духовитые, с хрусткой поджаристой корочкой. И свежайшая ветчина, как раз такая, какую я любил: сочная, почти без сала, во рту таяла, как мороженое прямо. Неоткуда взяться такой в деревенском сельпо. Ну, может, деревенские умельцы-свинобои такую делают. Хотя ветчина свежайшая, а ведь не пришло еще время резать свиней, не нагуляли еще мяса-сала. Да и на свинину не похоже, скорее уж на говядину, — но временами кажется, что и не говядина, и уж точно не баранина: из баранины сроду ветчины не делали...

Но вкусна была — язык проглотишь. И я, вспомнив совет чеховского героя «лопай, что дают», не задавая лишних вопросов, наворачивал за обе щеки, стараясь, впрочем, соблюдать правила хорошего тона за столом и не чавкать на всю деревню, как из голодного края.

Вот малосольные огурчики, тугие и хрустящие, были самые обыкновенные, с укропом и дольками чеснока. Оксана спросила, не дерет ли рот сухая ложка. Не особенно раздумывая, я ответил, что есть немного. Она вышла и вернулась с литровой примерно бутылкой, чуть ли не по пробку полной прозрачной светло-розовой жидкости. Поставила стеклянные чарочки и пояснила:

— Местные умельцы гонят...

Чокнулась со мной и осушила свою, не закашлявшись. И не удивительно: опрокинув свою чарочку и прислушавшись к организму, я подумал: местным умельцам следует памятник поставить, хотя бы нерукотворный! Не самогонка, а нектар, впервые в жизни такую пил — в брюхо пропутешествовала, как компотик, и не было привычного легонького ожога от крепкого спиртного, и не было знакомого ощущения в глотке. Вопреки пословице первая пошла соколом, да и вторая тоже.

В голову, как и следовало ожидать, вскоре ударило, — но легко, приятственно, совсем не так, как обычно ударяет самогонка. Точно, памятник нужно здешним умельцам поставить хотя бы мысленно...

Болтали мы непринужденно, но вскоре я стал замечать, что застольный наш разговор принял оборот... не подберешь определения с ходу. Интересный

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

такой оборот. Многозначительный. Словно по уговору, мы оба не касались тягостных и непонятных событий, грянувших на рассвете двадцать второго июня. Говорили исключительно о довоенной жизни, она вспоминала забавные случаи из жизни и учебы своих школьников, а я, соответственно, забавные случаи из жизни во время службы на границе — там и смешное бывало не так уж редко. Ровным счетом никаких игривостей — и тем не менее вскоре я всерьез почувствовал этот многозначительный оборот — не в ее словах, но безусловно во взглядах, улыбках, интонациях. Именно так и обстояло, я себе ничего не нафантазировал, та самая лукавая игривость, на которую женщины мастерицы чуть ли не сызмальства, определенно присутствовала. Как-никак я вовсе не был невинным гимназистом и некоторые вещи просекал быстро. С Наташкой во время моего отпуска наконец произошло и происходило весь отпуск. Да и до того у меня еще в бытность курсантом случался, как выражался лейтенант Федя Шандыбин, тот еще ухарь насчет женских сердец, «полный и бесповоротный флирт». Не женат он был и не монашествовал, ухитряясь при этом ни разу не влипнуть в какие бы то ни было коллизии, житейские сложности и неприятные истории разной степени тяжести, — такое вот везение было у парня. Некоторые ему откровенно завидовали...

Ничего личного мы не затрагивали. Она ни словечком не обмолвилась о муже, ни разу не спросила, есть ли у меня жена или невеста, о тех самых игривых темах речь ни разу не зашла, — но все равно

с некоторых пор я стал понимать, в каком направлении могут развернуться дальнейшие события. И уже не сомневался: если я хлопну еще чарочку и начнется то, что Федя, цинично переиначив идеологически выдержанную песню, называл «пойдут зеленые фуражки в яростный поход», никакого сопротивления не встречу, вовсе даже наоборот...

Однако как раз этого мне и не хотелось. Феде легче — он, по его собственному выражению, «ни разу сердцем не затрепетал», а у меня с некоторых пор обстояло совершенно по-другому. Когда мы с Наташкой окончательно решили, что поженимся в скором времени, я в последнюю ночь перед отъездом твердо пообещал хранить ей верность — и намеревался обещания не рушить. Так что держался, учено говоря, индифферентно — притворялся, что ничего не понимаю, не усматриваю потаенного смысла в ее взглядах, улыбках, интонациях. Пусть считает толстокожим чурбаном, переживу...

А потом (в бутылке оставалась еще примерно половина) я так и сказал с наигранной прямоотой:

— Оксана, извини уж... Прилечь бы, намаялся за эти дни выше крыши и дальше некуда. А уж как подумаю, что спать мне на настоящей кровати, да еще чисто вымытому... — и старательно зевнул.

(Она сама говорила, что у нее в двух комнатках есть две кровати — от прежней хозяйки остались, к ней часто приезжала какая-то родственница из дальней деревни, то погостить, то просто оставалась ночевать.)

— Ну что ты, какие тут извинения, — сказала Оксана. — Я все понимаю, не бесчувственная. Нуж-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

но тебе отдохнуть как следует, неизвестно, какая дорога выпадет...

Она ничуть не выглядела ни обиженной, ни разочарованной — хотя на ее месте иные женщины именно это бы и чувствовали. Встала из-за стола, взяла керосиновую лампу (мы уже не менее часа сидели при лампе), сказала:

— Пойдем. Нет, вон в ту дверь...

Добрую половину комнатки занимала аккуратно застеленная кровать — с никелированными спинками, довольно новая. Именно такую мы с Наташкой видели две недели назад, когда укрылись от неожиданного хлынувшего «слепого» дождя в ближайшем магазине, оказавшемся мебельным. И смешливо переглянулись, явно подумав об одном и том же. Дождь кончился быстро, как всегда бывает со слепыми дождями, и я сказал, что такое брачное ложе вполне по деньгам лейтенанту погранвойск. Кто б знал, что до войны всего неделя...

— Слишком для меня роскошно, — сказал я. — А ты как же?

— За меня не беспокойся. В другой комнате кровать тоже не старая, очень удобная, хоть и односпальная. А вот лампа всего одна. — И поинтересовалась с хмельным лукавством: — Костя, ты не боишься спать в темноте?

— Я и в детстве не боялся, — сказал я чистую правду.

— Какой ты бравый...

— Спокойной ночи... и спасибо за все.

— Благодарить будешь потом, а пока ты еще здесь... Спокойной ночи.

И вышла, унося с собой чуть колышущийся свет. Не похоже, чтобы она сердилась из-за того, что я себя показал бесчувственным пентюхом, не способным понимать нехитрую дипломатию женской души. Вот и прекрасно. Если бы она на меня обиделась, было бы чуточку неловко — так радушно приняла, а я оказался чурбаном бесчувственным. На кровати две подушки — ну конечно, супружеская постель, неизвестно сколько времени простоявшая, как выразился бы наш старшина Еремеич, заведовавший каптеркой, укомплектованной наполовину. Возможно, Оксана так легко уступила мне супружескую спальню оттого, что о браке у нее сохранились не самые приятные воспоминания, — ну да что тут гадать, совершенно ни к чему. Завтра утром я пушусь в дорогу, в полную неизвестность и вряд ли когда-нибудь увижусь еще с Оксаной...

Я немного постоял, и глаза привыкли к темноте. Правда, темнота была не такая уж чернильная — небо ясное, безоблачное, и где-то слева высоко на небе появилась полная луна, — окно выходило на зады, от баньки, сарая и шеста со скворечником протянулись четкие тени, отчетливо был различим недалекий редкий лес. Что ж, это только к лучшему, можно просчитать пути отхода, то есть бегства со всех ног напрямик через картофельные ряды. Ночью немцы не ездят, это я уже уяснил, но могут нагрянуть на рассвете, заскакивали ж они в Жовтяны, до которых всего ничего...

Окошко было узковатое, но оборудованное на городской манер — две створки и шпингалеты. Я опустил нижний и поднял верхний, чтобы не возиться

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

потом, в случае появления немцев, не потерять ни секунды. Приоткрыв одну створку, не спеша выкурил папиросу, пуская дым за окно, в ночную прохладу. Притворил окно, снял португепю и, особенно не раздумывая, на всякий случай спрятал пистолет под подушку. Разделся до исподнего, лег под свежую простыню, под тонкое одеяло, вытянулся, расслабился и почувствовал себя на седьмом небе — в чистой постели, сытно поужинал, в голове еще легонько шумит великолепная здешняя самогонка. Наташку бы сюда... Нет, тут же подумал я, прекрасно просто, что она далеко отсюда, там, куда не долетит и самый дальний немецкий бомбардировщик (чью дальность я прекрасно знал). Даже если учитывать, насколько далеко немцы за считанные дни прорвались, — не долетит. К тому же по пути немцев наверняка встретили бы сталинские соколы — не могла же наша славная военная авиация провалиться сквозь землю? А если еще предположить...

Я сбился с мысли — дверь тихонько скрипнула, а там и распахнулась. В комнату вторгся круг неяркого света. Лицо Оксаны в колышущемся пламени керосиновой лампы казалось совсем юным и загадочным — и чертовски красивым, еще более, чем днем.

Она была в ночной рубашке выше колен. Чтобы дойти до кровати, ей понадобилось всего-то два шага. Стоя надо мной, совершенно спокойным голосом, словно мы были сто лет женаты, сказала:

— Подвинься, ты на моем месте лежишь...

Я отодвинулся к стене, не был ни ошеломлен, ни даже удивлен — еще за столом сообразил, в каком

направлении она, не особенно и маскируясь, направляет события. В башке был полный бардак. Оксана оказалась совсем близко, от нее приятно пахло тем самым шикарным мылом и гораздо сильнее — духами. Уже другими, но такими же незнакомыми и словно бы даже чуточку дурманящими...

Хотелось сквозь землю провалиться — и из-за Наташки, и из-за орла с кавалерийскими петлицами. Какой бы там у них ни случился разлад, не похоже, что они официально разведены (иначе зачем держать фотографию на стене?), значит, она все еще жена военного, который сейчас, очень может быть, не драпает, как я, а дерется с немцами. А я хороюсь по лесам, лежу на его постели с его законной женой, в его великоватом мне исподнем... Есть из-за чего себя презирать...

Показалось, что она прочитала мои мысли: придвинулась вплотную, так что я чувствовал все ее горячее тело под тонкой рубашкой, шепнула на ухо:

— Не казись, дурачок. У нас с мужем давненько уже все разлетелось вдребезги и бесповоротно. Не упомяну уже, когда вместе и спали, — он, правда, порывался, а мне было категорически не по душе. Только потому и не разводилась, что его должны были послать на командирские курсы. Развод ему помешал бы, член партии к тому же. Чуть не на коленях просил повременить до осени, вот я и пожалела лихого конника, он, в общем, человек неплохой, обид я от него не видела, врать не стану...

Не скажу, чтобы эти признания меня так уж утешили и ободрили. И я ответил тихонько:

— У меня невеста есть.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

Сам понимал, что прозвучало это скорее жалобно, чем убедительно.

— А ты с ней уже спал? — спросила Оксана и тихонько рассмеялась. — Спал-спал, у тебя лицо стало этакое важное... И, наверное, был у нее первым? По лицу видно, был. Неумелая, я так полагаю, или уже набралась умения? Ничего, мы ей не скажем. А я тебя поучу такому, что невесте обязательно понравится. Скажешь, в дореволюционной книжке прочитал, она и поверит...

Я сердито молчал, вспомнив одного парня из Библии, попавшего примерно в ту же ситуацию, — и от этого разозлился еще больше и на себя, и на нее. Библию нас побуждали читать в училище — пограничнику, по долгу службы вынужденному общаться с самым разным народом, знание Библии может пригодиться (и ведь пару раз пригодилось). Разница только в том, что парень от искустельницы сбежал, а мне и бежать некуда. Федя этого парня, истины ради, называл придромом, а один раз и вовсе непечатно...

Оксана смеялась:

— Ну вот в жизни не поверю, будто ты не знаешь на практике, что надо делать с красивой женщиной, которая к тебе сама в постель пришла... Ну что ты лежишь, как чурбан? Невесте верность блюдешь? А ты уверен, что она сейчас ни перед кем стройные ножки не раздвигает? — Ее ладонь проделала нечто довольно бесстыжее, и Оксана рассмеялась: — Не знаю уж, что ты там блюдешь, только ты в полной боевой готовности...

Глупо было бы противоречить очевидному — природа, черт бы ее побрал, поневоле брала свое.

Словно бы в том же дурмане я повернулся к ней и крепко прижал к себе, ругал себя, но ничего с собой поделывать не мог. А там и ночная рубашка на пол порхнула...

Проснулся я позднеенько, в десять — ничего удивительного, уснул, когда за окном уже посерело той рассветной серостью, которая вот-вот должна перейти в синеву. Оксаны рядом не было, но через спинку кровати были переброшены моя форма и исподнее, и тут же стояли сапоги. Прошло не так уж много времени, и я подумал, что обмундировка должна быть еще сыровата — что же, Оксана спешит меня выпроводить? Однако, пощупав гимнастерку, я обнаружил, что она не просто сухая, как песок в пустыне, а еще и, сразу видно, старательно выглажена, как и мои парадные синие галифе, — что ж, Оксана должна была как следует постараться, а ведь в такой глуши в ее распоряжении наверняка был только утюг старого примитивного образца, куда сыплют раскаленные угли. Отглажено не хуже, чем в нашей командирской прачечной, которой заведовал мастер с дореволюционным стажем, вольнонаемный Самуил Маркович Лейзерович...

Хорошо, что не пришлось с облегчением стягивать старшинское исподнее, — я и так был гол, как Адам на картинах великих живописцев старых времен. Существенное отличие в том, что Адам был таковым до грехопадения, познания плотских страстей, как выражался Федя, а я этой ночью изрядно нагрешил.

Что оставалось? Я оделся, тщательно привинтив значки, замотал привычно чистейшие портянки,

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

обулся и застегнул португую с кобурой. На улице никаких тревожащих звуков не услышал — все так же собаки побрехивали, корова замычала, прошли люди, громко разговаривая о каких-то мирных деревенских пустяках, немцами, сразу можно определить, и не пахнет... Все равно нужно побыстрее отсюда убираться, после ночных забав тут тем более неуютно.

Не скажу, чтобы я так уж терзался раскаянием, — в конце концов, не мальчик, которого развратная красотка изнасиловала, все это надо как-то по-другому называть и безвинной жертвой себя не выставлять. Выходит, прав был ухарь Федя, когда говорил, что верность одной-единственной хранят только импотенты и покойники, да и у импотентов есть возможность верность нарушать...

Оксана сидела за столом в горнице и безмятежно чаевничала. Осведомилась с интонациями заботливой супруги:

— Выспался?

Вид у нее был самый невинный, словно и не она розовыми губками проделывала шалости, о которых я раньше только слышал, главным образом от Феди. Ну, женщины это умеют — после самых разнузданных ночных забав выглядеть форменными монашками. И такова уж мужская натура, что я вместо самобичевания поймал себя на игривой мысли: интересно, что выйдет, если предложить это Наташке? Если только получится ее увидеть, выбраться из проклятых мест, где по дорогам, куда ни глянь, — немцы, немцы...

— Садись чай пить, — предложила Оксана с той самой интонацией заботливой — и хозяйственной — жены.

— Сейчас, только выйду ненадолго... — сказал я.

Навестил аккуратный деревянный нужник под высокой двускатной крышей, выкурил папиросу на крыльце и вернулся в горницу. Оксана налила мне чая. Снова маленькие непонятности: хлеб — вчерашние каравайчики, а вот красиво нарезанный сыр странноватый — темно-желтый в паутине синих прожилок. В жизни такого не видел, но не пустился в расспросы. На вкус оказался очень даже ничего — как и увиденные в первый раз овальные печенюшки, таявшие во рту, как вчерашние конфеты. И только покончив со второй чашкой, обратил внимание на непонятный предмет: возле правого локтя Оксаны — стеклянное на вид полушарие, полное красивых ажурных словно бы снежинок, не походивших одна на другую. Нечто подобное я видел на столе начальника одного из погранотрядов, он сказал, что это пресс-папье заграничной работы, найденное им в тридцать девятом во время освободительного похода в кабинете офицера некоего учреждения, чьими бумагами наши очень интересовались, — и за красоту прихваченное в качестве военного трофея. Только там были не зеленые снежинки, а синие, желтые и красные завитушки, каким-то образом заделанные в стекло.

На пресс-папье я посмотрел мельком, оно меня нисколько не занимало. Вплотную встал более насущный вопрос: как бы запастись провизией на дорогу? Судя по тому, чем Оксана меня щедро потчевала вчера и сегодня, запасы у нее есть, и она над ними не трясется. Надо подумать, в какой форме

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

это высказать, — и хорошо бы найти что-то в виде емкости для воды...

И я дипломатично начал:

— Я тебе ужасно благодарен за... все. Только не могу я в своем нынешнем пиковом положении долго здесь рассиживаться...

— Собрался в путь-дорогу? — спросила она спокойно.

— Конечно, — сказал я. — Я же присягу давал. Где-то наши наверняка налаживают оборону, мне там самое место...

— Тянет повоевать?

— Присяга, — сказал я. — И враг на нашей земле...

— Понятно. Только вот что, Костя... Я тебя прямо сейчас познакомлю с одним человеком...

С совершенно спокойным видом она положила ладонь на пресс-папье — и по горнице прошел странный долгий звук, словно тронули струну великанской гитары. И за спиной у меня раздался переливчатый, мелодичный аккорд, словно бы в ответ, — но таким звукам неоткуда взяться в простой деревенской хате, и непонятно, что может их издавать. Ясно только, что это глубоко неправильно...

Оксана, убрав руку со стеклянного полушария, смотрела куда-то за мою спину, словно бы радостно. Я обернулся — и едва не заорал от дикой непонятности происходящего.

На стене, наполовину обрезав фотопортрет бравого кавалериста, открылся высокий, аркообразный проход, длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами. И там стоял человек в какой-то странной одежде.

Я ничего не пытался понять — сработала пограничная хватка. С грохотом опрокинув стул, вскочил и схватился за кобуру. Иногда непонятное нужно, не раздумывая, встречать пулей или, по крайней мере, брать на прицел...

Человек поднял правую руку — и с его ладони ко мне метнулись полосы зеленоватого света, а прямо в лицо ударил желтый, слабо светящийся луч — показалось, в лицо с размаху выплеснули полведра воды...

Сознание померкло.

...Вернулось сознание, можно так сказать, толчком, я открыл глаза и почувствовал себя так, будто проснулся трезвым и выспавшимся, — я всегда так просыпался, когда на сон хватало времени и голова не побаливала с похмелья, что пару раз случалось. Моментально взял себя в руки и попытался в темпе оценить окружающее. Все, что произошло, я помнил прекрасно: неведомо откуда взявшийся проход в самой обыкновенной стене деревенской хаты, странный человек, которого я не успел разглядеть толком, лучи света, метнувшиеся от его ладони, желтое сияние, ударившее в лицо, как выплеснутая из ведра теплая вода, — и все это произошло наяву...

Первые ощущения и впечатления... Крайне похоже, я лежал на земле — твердой, летней, лежал прямо-таки по стойке «смирно», вытянутые руки прижаты к бокам. Наклонив голову, прижав подбородок к шее, увидел свою гимнастерку, галифе, сапоги, ремень и кобуру на нем. По обе стороны от меня и далеко впереди за носками сапог росла высокая ярко-зеленая трава, толстые стебли, заканчи-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

вавшиеся пучками длинных остроконечных листьев и цветками наподобие ландышей, только не белого, а оранжевого цвета. А дальше стеной стояли деревья в зеленой листве. Никогда раньше не видел таких цветов, да и в деревьях почудилось что-то незнакомое.

Но главное не в этом. Главное, я, как младенец в пеленки, был с головы до ног укутан в некое подобие рыбацкой сети — только ячейки в виде полукругов и сеть словно бы целиком из зеленоватого света, полупрозрачного, сквозь который четко просматривались и гимнастерка, и галифе, и портупья, и голенница сапог. Попробовал пошевелиться — и не смог, словно был связан с головы до ног. Эта чертова «сеть» не давила, ее вообще не чувствовалось, — но пошевелиться не удавалось, свободны были только голова и шея...

Солнца я не видел — такое впечатление, будто вокруг было раннее утро или вечер, а ведь только что стояло не такое уж раннее утро, день близился к полудню, и солнце должно вылезти высоко. Но вместо солнца...

Но вместо солнца высоко в небе (чутьочку не такое небо, не просто синее, а чутьочку зеленоватое) почти надо мной стояла предельно странная луна: ярко-коричневого цвета полумесяц рожками вверх — луна такой бывает либо на пределе ущерба, либо на пределе рождения, — но это насквозь неправильная луна, какой не должно быть, никак не должно!

Слева раздался спокойный мужской голос:

— Я вижу, опамятовался?

Вздрогнув от неожиданности — точнее, будто током тряхнуло, что уж там, — я повернул голову в ту

сторону. Там лежало поваленное дерево толщиной примерно в обхват, на нем сидел мужчина в странной одежде и разглядывал меня с совершенно спокойным выражением лица, словно бы даже и хозяйским. Как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Как себя чувствуешь? Надеюсь, не перепуган до смерти? Если что, у меня при себе успокоительные капли, прекрасно действуют...

В голове у меня клокотал совершеннейший сумбур, я и не пытался пока что строить никаких догадок, где очутился, каким образом и для чего все затеяно, — но кое-какие рефлексy заработали. Никак нельзя было показать слабость — особенно в таком положении. И я сказал, очень надеясь, что в голосе звучит должная язвительность и он не дрожит:

— Спасибо, нет необходимости. Обойдусь без ваших капель...

— Отлично, — сказал он без тени насмешки, спокойно и деловито. — Рад, что вы оказались достаточно хладнокровным, это нам сэкономит время и труды...

Любопытная вещь наблюдалась: он словно бы неплохо говорил на чистейшем русском языке, — но в то же время слышалась, гораздо тише, какая-то иностранная речь, незнакомая, так что я не понимал ни словечка, но ошибиться не мог — так и обстояло...

— Прекрасно, — повторил он. — Давайте знакомиться. Нам с вами не один день предстоит заниматься делом, без имен просто не обойтись. Меня зовут Грайт. Тебя я уже знаю, Костатен...

Очень может быть, иначе моего имени он выговорить не мог.

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

— К тебе я уже присмотрелся, — сказал назвавший себя Грайтом. — И к другим, которые выглядят в точности как ты. Твой черед присмотреться ко мне как следует — я не сомневаюсь, что в твоих глазах выгляжу диковинно... как сначала выглядели в моих глазах твои соплеменники. Но я уже привык, а ты — пока нет... Присмотрись. Я не юная купальщица и смущаться не буду.

Я и без его, изволите ли видеть, позволения смотрел на него во все глаза, пытаюсь догадаться, что это за тип.

Ему, так я думаю, было лет сорок. Решительное, волевое и этакое хищно-красивое лицо, чуть вытянутое. Светло-серые холодные глаза, черные, густые, тщательно причесанные волосы до плеч. Чистейше выбрит, без бороды и усов. Особых примет нет, но в толпе безусловно не затеряется, выразительное лицо, запоминающееся. Чувствуется в нем этакая спокойная, уверенная властность, присущая старшим командирам. Все это я в темпе прокачал, как человек, знакомый со словесными портретами и сам умеющий их составлять. Добавить ему вместо теперешней одежды латы — и получится сущий рыцарь со старинной картины, жесткий и безжалостный, с равным успехом способный и прекрасную даму спасти от любой напасти, и преспокойно изрубить противников, — а то и повесить пленников прикажет без малейших колебаний...

Да, одежда... Интересная одежда. Темно-коричневый то ли камзол, то ли кафтан с широким отложным воротником, застегнутый под горло массивными пуговицами цвета серебра (а может, и серебря-

ными), без кружев и украшений, с двумя боковыми накладными карманами, большими, квадратными, и еще одним, поменьше, впереди с левой стороны над талией, и от него к пуговице тянется массивная цепочка золотого цвета (а может, и золотая) — часы? Такого материала я прежде не видел — наподобие вельвета, но рубчики раза в три пошире. Темно-коричневые штаны из того же материала, не в обтяжку, но и не мешковатые, ничуть не похожие на казацкие шаровары былых времен. Я, разумеется, не портной, но его одежда показалась мне дорогой и хорошо пошитой. Но самое интересное — пояс и то, что на нем. Пояс крайне напоминает кольчугу — точно так же состоит из множества мелких колечек искусного плетения, с массивной вычурной пряжкой золотистого цвета (неужели золото?), и посреди нее — большой, с вишню, камень густозеленого цвета — отшлифованный, чуть продолговатый (неужели какой-нибудь самоцвет? Когда-то их не умели гранить, только шлифовали). Слева — ножны из темно-вишневой кожи, во всю длину крест-накрест перевитые черными лентами со множеством маленьких бляшек золотистого цвета, очень похожих на неизвестные мне цветы о шести лепестках. Меч, конечно, — солидный эфес с затейливой крестовиной, выгнутой вверх и кончавшейся чем-то вроде когтистых птичьих лап, с затейливой формы навершием, увенчанным таким же крупным зеленым камнем. Поближе к пряжке — кинжал в таких же ножнах, с такой же рукоятью и зеленым камнем; такое впечатление, что и меч, и кинжал вышли из одной мастерской, очень уж похожи по стилю ис-

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

полнения. Слева — плоский футляр из коричневой кожи, с массивной застежкой, прямоугольный, вытянутый в длину, похожий на подсумок для винтовочных патронов, но не такой толстый.

Ну и сапоги — из мягкой черной кожи, высокие, чуть ли не по колено, с высокими каблуками и шпорами с зазубренными колесиками. По верху голенищ венчик из цветков золотистого колера — таких же, как на ножнах, но побольше, на ножнах они размером с двоячок, а на сапогах — с троячок.

Такие вот первые впечатления, ни на шаг не приближавшие к ответу на насущнейший вопрос: где это я оказался? Ясно уже, что это не знакомая мне Белоруссия, а какое-то другое место, — но где? Если вспомнить парочку известных фантастических романов о том, как люди неожиданно-негаданно проваливались в далекое прошлое... Нет, отпадает. Я не историк, да и не большой любитель истории, но и книги исторические почитывал, и в музеях бывал, и старым оружием интересовался. Старинные люди и в самом деле носили мечи, сабли вошли в употребление гораздо позже, но вот одевались они совершенно иначе, видывал на картинках и картинах. Не берусь судить непреложно, но впечатление такое, будто его одежда, пусть и непривычного фасона, ничуть не похожа на средневековую, стиль другой. Между прочим, одежда не просто выглядит опрятной, чистой — она еще словно бы совсем недавно прилежно отглажена, а сапоги смотрятся хорошо почищенными, ни грязи, ни пыли...

Признаться, в первый момент, когда я очнулся, а он еще не заговорил и я не разглядел его толком,

мелькнула догадка, — но я прогнал эту мысль и не собирался к ней возвращаться — не просто сумасбродство, полный абсурд... Мысль была — что я угодил в лапы к немецким диверсантам, охотившимся за командирами как наиболее предпочтительными «языками». Вот уж вздор... Диверсантов я навиделся, в сорок первом они частенько лазали через границу, а с наступлением лета и вовсе пошли косяком, так что я участвовал в трех боестолкновениях. И пленных насмотрелся, допросы проводил, как и сослуживцы. Какой диверсант натянул бы такую вот одежду, моментально привлекающую самое пристальное внимание, да еще меч с кинжалом нацепил? Диверсанты либо ходили в нашей военной форме, либо в гражданской одежде, опять-таки старались не выделяться — колхозник, горожанин, сельский интеллигент... Но главное — диковинный коридор, открывшийся в хате Оксаны, и этот полумесяц в небе. Никакому диверсанту не под силу такое устроить. И если подумать, вокруг вовсе не далекое прошлое — ни в каких старинных книгах ни словечком не упоминается о такой вот луне диковинного цвета и очертаний...

— Насмотрелся? — спокойно спросил Грайт.

— Насмотрелся, — постарался я ответить так же спокойно — пусть не думает, что я растерян, подавлен, смят.

— И каковы же впечатления? — осведомился он с усмешкой.

Это была именно усмешка, а не улыбка — скупая, без особых эмоций, усмешка сильного, уверенного в себе человека, не склонного давить своим

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ_____

превосходством, торжествовать над собеседником. Что ж, такие люди гораздо опаснее чванливых гордецов, пусть умных и хитрых, но излишне дающих волю эмоциям, неуместным в серьезном деле...

И я сказал чистую правду:

— Ты производишь впечатление серьезного человека.

— Рад слышать, — ответил он без улыбки. — Со своей стороны могу сказать то же самое. Это искренняя оценка — ты не юная девица, млеющая от приятных хвалебных словечек... Ты очень хорошо держишься. Никаких истерик, даже не дернулся ни разу, спокойно лежишь... Ты ведь уже понял, что все это, — он повел рукой, — и я в том числе, тебе не снится, не мерещится от дурманящей отравы или умственной хвори? Ты, несомненно, удивлен и растерян, но сохраняешь спокойствие и выдержку... Это мне нравится. Понял ведь, что вокруг не сон и не видение?

— Предположим, — сказал я. — Так где я? Что это за место?

— Ты очень хорошо держишься, Костатен, — повторил он одобрительно, с усмешкой. — Это позволяет питать определенные надежды... Ну, ничего удивительного, ты, я уже знаю, порубежный стражник, а туда всегда набирали сметливых и сообразительных. У нас давно нет порубежников, но мой отец и дядя когда-то служили не в войске, а как раз в порубежниках — старая семейная традиция, знаешь ли... Что это за место? Ответить, с одной стороны, просто, а с другой — невероятно сложно... Видишь ли, это другой коэн. Коэн, как бы тебе объяснить доходчивее... Знаешь, я сам не могу обсказать учеными сло-